

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ НА УРАЛЕ

Коган Лев Наумович,

д. филос. н., профессор

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

Анисимов Сергей Алексеевич,

д. социол. н., профессор

РАНХ и ГС, г. Москва

E-mail: pavlov_boris @ mail.ru

Павлов Борис Сергеевич,

д. филос. н., профессор кафедры социальной безопасности

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

E-mail: pavlov_boris @ mail.ru

FROM THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY IN URAL

Kogan Lev Naumovich,

doctor, professor, Ural State University

Pavlov Boris Sergeevich,

doctor, professor of the chair of social security,

Ural Federal University

Anisimov Sergey Alexeevich,

RANCH and S S, Moscow

АННОТАЦИЯ

Вниманию читателя предлагаются материалы по истории становления и развития уральской социологии, собранные и обобщённые по инициативе и с непосредственным участием профессора Л.Н. Когана и его учеников. В статье приведены извлечения из исторического очерка, подготовленного и опубликованного в 1990 г. С.А. Анисимовым, Л.Н. Коганом и Б.С. Павловым [1].

ABSTRACT

The article presents materials devoted to history of development sociology in the Ural. Material was collected by L. Kogan and his pupils.

Ключевые слова: социология, Урал, рабочий класс, молодёжь, дети, культура, анкета, опросы, история, культ личности

Keywords: sociology, Ural, working class, youth, children, culture, questionnaire, history, cult of a person

*«Чтобы понять современное состояние мысли, вернейший путь –
вспомнить, как человечество дошло до него»*

А.И. Герцен

История уральской социологии – при многих общих чертах – явление многоплановое и многообразное. Понятно, что и представления о ней не могут быть выстроены по какой-то единственной, «правильной», жесткой схеме. Свое видение этого процесса есть и не может не быть у каждого его участника [2]. Проведенные нами исследования показывают: на Урале, начиная с дореволюционного периода, сложились определенные традиции конкретных социологических исследований, которые были развиты и умножены в годы Советской власти, особенно в современный период.

Первые социологические исследования на Урале были проведены еще в начале 1870-х годов небольшой кучкой энтузиастов – учителей, инженеров, врачей. 26 марта (по ст. стилю) 1873 г. в Екатеринбурге была проведена *однодневная перепись* населения города. Спустя 14 лет (день в день) – 26 марта 1887 г. – она была повторена. До сих пор данные этих переписей широко используются историками [3].

Значительную работу по изучению грамотности и быта населения (особенно рабочих), состояния воскресных школ, развития кустарных промыслов Урала проводило на рубеже двух веков *пермское земство*. Выявляя серьезные проблемы (в частности, в работе воскресных школ: накануне первой русской революции такие школы работали только в 5 из 12 уездов Пермской губернии; в Кунгурском уезде на их

содержание ассигновывалось всего по 35 руб. в год, здесь обучалось всего 118 человек, а 2 школы Охтенского уезда посещали всего 21 человек), они основывались в основном на «средних» статистических данных.

Самостоятельные исследования проводили и политические партии. В октябре 1903 г. Пермским комитетом РСДРП была подготовлена и начала распространяться анкета «Вопросы о положении рабочих на заводах, фабриках, мастерских». Можно только поражаться продуманности, методологической четкости и методической последовательности этой анкеты. В преамбуле к ней ясным и понятным для рабочего языком разъяснялись цели и задачи исследования: «Нечего и говорить о том, как важно знать, что делается на фабриках и заводах, а ведение агитации в широком размере без таких сведений прямо невозможно». Объяснялись и правила заполнения анкеты. Поскольку тиража вопросника, по-видимому, был незначительным, к тому же недостаток бумаги не давал возможности оставить место для ответов, авторы анкеты просили рабочих писать свои ответы на вопросы на отдельных листках, ставя соответствующий номер вопроса.

Анкета начинается с более простых и известных каждому рабочему вопросов (условия приема и причины увольнения, заработная плата, штрафы, рабочий день) и постепенно восходит к более сложным (культура рабочих, отношения с фабричной и заводской горной инспекцией). На первое место в анкете поставлены вопросы, связанные с трудом, от них авторы переходят к вопросам, касающимся образования, досуга и быта. Очевидно, вопросник был первым опытом проведения подобных исследований. О намерении совершенствовать методику и инструментарий исследований свидетельствует следующая фраза документа: «Если какие-либо вопросы покажутся неясными или неточными, или же каких-то вопросов не хватает, просим ответить на ответном листе; при втором издании вопросов мы постараемся их исправить». Важно подчеркнуть, что сама анкета носила ярко выраженный пропагандистский характер: она заставляла рабочего задуматься над своим положением на фабрике, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Данная анкета была не единственным опытом социологических исследований среди рабочих. Удалось обнаружить разработанный Екатеринбургским комитетом

РСДРП «Опросный листок». Он включал 58 вопросов, охватывающих широкий круг проблем положения рабочих.

Дальнейшее развитие социологические исследования на Урале получили в *первые послереволюционные десятилетия, особенно – в 1920-30-е годы*. В этот период требовались не только оперативные и полные сведения о военно-экономическом потенциале края, его людских ресурсах, особенно важно было выявить унастроения людей, их отношение к новой власти, к ее первым шагам.

Одной из первых с начала 1918 г. проводилась так называемая военно-конская перепись (к августу она закончилась в 11 из 12 уездов Урала). 5 августа 1918 г. было принято решение о проведении нового исследования – о работе волостных Советов рабочих и крестьянских депутатов. Интересна сама процедура проведения исследования. Заполненная анкета становилась важным юридическим документом: ставились подписи председателя и секретаря совета, заверялась печатью. Из проведенного в августе 1918 г. исследования сохранилось 15 заполненных волостными Советами анкет. И хотя число сохранившихся анкет невелико, однако они отражают мнения и данные о более чем 80 тысячах жителей уральских поселений. Это исследование было одним из первых крупных и в то же время комплексных по кругу изучаемых массовых опросов в стране. Его результаты позволяют судить о многогранной деятельности Советов, о состоянии хозяйства, о ходе национализации промышленных предприятий, использовании наемного труда, эффективности сельскохозяйственного производства. В анкетах была предпринята попытка выяснить общественное мнение по таким важным проблемам, как отношение населения к «текущему моменту», к Советам, к духовенству; выявить уровень грамотности населения, состояние медицинского обслуживания. Исследование должно было в какой-то мере помочь формированию Уральской области в административно-хозяйственную единицу, так как в то время даже границы области не были очерчены более или менее точно. Формально в Уральской области числились Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская губернии. Выяснялись и такие вопросы: «из скольких деревень состоит волость», «расстояние от волостного исполкома до деревень (с просьбой поименовать деревни)», «пространство волости», «основной род занятий населения».

В октябре этого же года было проведено еще одно исследование по несколько измененной анкете. Предметом особой заботы новой власти было повышение культурного уровня населения, борьба с неграмотностью. В анкете содержалось 12 вопросов по этой проблеме. На момент опроса только в одной волости было введено всеобщее обязательное начальное обучение, в 57% волостей оно вводилось, в 23% - такая работа еще не начиналась; в остальных анкетах этот вопрос оставлен без ответа. Школьные занятия чаще всего проводились в необорудованных для этого помещениях. Библиотеки, хотя и были открыты в 76% волостей, но только в каждой пятой из них имелся необходимый минимум литературы.

Социологические исследования на Урале не прерывались и в годы гражданской войны. 8 января 1919 г. Президиум областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провел анкетирование личного состава уральских правительственных учреждений, находившихся в тот момент в г. Вятка. Исследование было проведено в необычайно короткие сроки: 19 января результаты его были обобщены. После восстановления Советской власти на Урале – в декабре 1919 г. – была проведена новая анкета для волостных Советов с целью выяснения имеющихся ресурсов восстановления экономики края. К числу первых исследований молодежи относится исследование жизни молодых рабочих в возрасте 14-23 лет. Программа исследования была разработана акад. С.Г. Струмилиным. Оно проводилось – по поручению ЦК РКСМ – местными комсомольскими органами с участием статистических секций отделов труда местных Советов. В архиве сохранилось 159 анкет, заполненных молодыми рабочими города Невьянска (1920-1921 гг.).

Свердловский социолог И.Ишмухамедов выявил более 50 исследований, проведенных на Урале в 1921-1925 гг. Большинство из них – опросы партийных комитетов и Советов. Личные опросы трудящихся были еще немногочисленны. Анкеты были нацелены на получение обобщенных по волости, уезду (позднее - району) статистических данных. Изучения общественного мнения фактически не было. Главная задача всех этих исследований заключалась в получении отсутствующих у руководства региона статистических данных, поскольку сколько-нибудь удовлетворительной государственной статистики в этот период не было. Эта задача определяла и характер инструментов (опросных листов), предназначенных для

исследования. Хотя эти листы, как правило, посылались во все уезды и волости, исследования поневоле имели выборочный характер, значительная часть анкет оставалась без ответа.

Наряду с такими общерегиональными исследованиями проводились опросы групп уездов и волостей, но обоснования выборки не давалось. Некоторые исследования проводились по инициативе центра (и для их проведения на Урал приезжали специалисты из Москвы). Однако инициатором большинства опросов выступали местные органы. Многие исследования проводились накануне партконференций и были явно предназначены для получения необходимой информации к отчетным докладам. Тематика исследований была очень разнообразной, но большинство из них касались положения в деревне. Очевидно, это объяснялось тем, что статистика по городам и промышленным предприятиям находилась в несколько лучшем состоянии. Исследователей интересовало состояние производства, наличие орудий труда, крупного и мелкого рогатого скота, птицы, степень политической активности и религиозности населения.

В 1922 г. в Нижнем Тагиле было проведено обследование безработной молодежи (опрошено около 100 человек). В том же году органами государственной статистики начаты систематические бюджетные обследования – с целью составить представление о быте рабочих и крестьянских семей. В 1924 г. в Пермском районе Екатеринбурга было проведено обследование кружков политграмоты – одно из первых исследований такого рода в стране. Его объектом были 15 кружков (394 слушателя). В ходе исследования анализировался состав пропагандистов, посещаемость кружков, степень усвоения материала. В том же году М.И. Альтшулер провел исследование бюджетов времени студентов университета, вузов и техникумов Перми.

Одновременно – на Верх-Исетском заводе в Екатеринбурге Н.Милославский изучал денежные расходы рабочих-подростков: величина заработка и расходы; распределение рабочего и нерабочего времени; роль заработка подростка в общем бюджете рабочей семьи. И хотя круг исследуемых был очень мал (29 человек), выводы показательны. Оказалось: 10,6% своего заработка подростки (15-18 лет) тратили на покупку сладостей, 14,7% - на баню и мыло; 9,6% - на табачные изделия; 8,6% - на кино; 4,4% - на книги и газеты [4, с. 33-34].

В целом в исследованиях начала 1920-х годов намечается явный крен от изучения общественного мнения к превращению исследования в средство получения необходимых, но отсутствующих в статистике материалов. Все больше утверждалась система, при которой респондентом оказывался не индивид, а та или иная организация. Поэтому полученные данные проходили через «фильтр» субъективных устремлений руководства этих организаций (стремление «казаться лучше», смягчить остроту проблем). Это, естественно, сказывалось на степени объективности исследований.

Необходимо учитывать и те трудности, с которыми было связано развитие социологических исследований в этот период: не было подготовленных научных кадров, отсутствовали научно разработанные методики, все исследования проводились на общественных началах. Не было на Урале и специальных изданий, где могли бы публиковаться результаты исследований, поэтому многие из них не увидели света или были опубликованы в кратких извлечениях, по большей части без упоминания их авторов. И все-таки совокупность этих исследований представляет несомненную научную ценность. Она дает в руки историкам и социологам Урала весьма значительный материал, отсутствующий в каких-либо иных источниках. И можно только пожалеть, что к этим данным еще мало кто обращается, и они фактически еще не включены в научный оборот.

Начиная с 1925 г. наступает новый этап исследований. В предыдущий период они проводились преимущественно по инициативе партийных и государственных органов, которые являлись их организаторами и непосредственными участниками. Со второй половины 1920-х годов их организаторами постепенно становятся в основном научные учреждения и отдельные ученые. Это обстоятельство привело к значительному сокращению масштабов исследований, к появлению сравнительно небольших по количеству респондентов выборок. Значительным толчком к развитию социологических исследований на Урале явилась Всесоюзная перепись населения 1926 г. На основе ее данных был рассчитан Генеральный план развития хозяйства на Урале на первую пятилетку (издан в 1927 г.). [5, с. 391-393].

В процессе составления плана областным отделом труда в 1924-1925 и в 1925-1926 гг. проводятся уральские региональные выборочные обследования рабочих

различных специальностей. На основании этих исследований была рассчитана предполагаемая потребность региона в рабочих разных специальностей, определены каналы их обучения. Осуществляются выборочные обследования бюджетов 800 рабочих семей. Если в 1924 г. средний бюджет семейного рабочего составлял 54,4 руб., то в 1926 г. – 73,9 руб. На основании этих бюджетов выяснились средние затраты рабочих на питание, на культурные нужды [6, с. 5].

Год от года расширялась тематика проводимых исследований. Хотя многие из них испытали отрицательное влияние идеологии, их материалы и сегодня представляют определенную научную ценность. В феврале 1928 г. педагогическая лаборатория Пермского университета изучала бюджеты времени школьников города. В 1929 г. ею проводилось обследование абитуриентов университета. (Опрошено 530 абитуриентов из 565). В статье руководителя исследований (проф. Н.А. Коновалов) приведены их итоги [7, с. 231-313].

Опубликованы и подробные результаты исследований Н.А. Коновалова бюджетов времени 48 учащихся школ. Интересна попытка автора разделить общую совокупность затрат времени на 4 блока: труд, вспомогательные обязанности, свободные занятия и отдых. Итоги исследований – для сравнения – могут быть использованы и современными исследователями бюджета времени школьников. ообще изучение социологических проблем образования приобретают на Урале в конце 1920-х – начале 1930-х годов сравнительно широкое распространение. В 1930 г. было проведено исследование учащихся пермских школ (166 человек). Выяснялись читательские интересы, ориентации и установки учащихся. Важно отметить, что большинство школьников – согласно материалам исследования – предпочитало наличие духовных благ благам материальным [8, с. 16]. В 1932 г. Л.А. Денисов и Р.М. Немченко в течение декады провели хронометраж бюджетов времени 320 учащихся 4 школ Свердловска [9, с. 50]. В 1933 г. Л.А. Денисов осуществил исследование политехнизации свердловских школ (обследованы 6 школьных мастерских и детская рабочая комната). Наряду с анкетированием в исследовании применялись методы наблюдения, фотографии рабочего дня учащихся [10, с. 14].

В 1933 г. в одной из школ Свердловска (68 чел) А. Кушелевская и Н. Славская провели сочинение «Моя будущая работа и мой рабочий день». Со всеми учащимися

авторами сочинений проводились контрольные беседы, на каждого из них составлялись индивидуальные характеристики. Среди мальчиков 68% желали стать инженерами, специалистами 12% - рабочими, среди девочек – соответственно – 87,2% и 2,3%. У девочек наибольшим престижем пользовались профессии инженера и врача (80%) [11]. В 1935 г. А Волков исследовал – с помощью анкеты – затраты времени на выполнение домашних заданий учащимися школы №22 Свердловска (опрошено 145 чел.) [12, с. 27]. Были проведены и другие исследования школьников и учителей школ [13].

Хотя все эти исследования имели локальный, узкий характер, они опровергают бытующее мнение, что в 1930-х годах в стране вообще прекращаются конкретные социологические исследования. Данные свидетельствуют о том, что такие исследования продолжаются на Урале до конца 1930-х годов. В 1935-1936 гг. Урал становится одним из центров большого исследования рабочей молодежи, проведенного ЦК ВЛКСМ. Данные этого исследования в последующие годы не раз использовались уральскими социологами для сопоставления рабочей молодежи 1930-х годов и современной молодежи [14, 15, 16, 17, 18, 19, 20].

Краткость и фрагментарность публикаций большинства приведенных выше исследований затрудняют анализ применявшихся методов социологического анализа. Однако, несомненно, что в первой половине 1920-х годов подавляющее большинство их основывалось только на анкетном опросе. Если учесть, что сами анкеты, как правило, составлялись примитивно, а распространялись без научно обоснованной репрезентативной выборки, то достоверность многих полученных на их основе данных оказывалась весьма сомнительной. Не случайно, еще в 1923 г. известный советский экономист и статистик С.Г. Струмилин подверг такие исследования справедливой критике. Он писал о «социологических болезнях» того времени: «Нам всем до смерти надоели разные анкеты, собираемые по всякому поводу и без всякого повода», а затем «зачастую даже вовсе не разрабатываемые» [21].

Анкета, по его мнению, стала модой. Но в то же время он выступил и против узости проводимых исследований, подчеркивая необходимость всестороннего подлинно научного изучения быта рабочих, использования ими свободного времени. Но уже к концу 1920-х годов, а особенно – в 1930-х годах палитра методов и

социологических исследований существенно расширяется за счет возрастания внимания к объективным статистическим данным. В работах уральских социологов того времени можно встретить уже и использование наблюдений, фотографий рабочего дня, бюджетных обследований. Психологических тестов.

Серьезным достижением социологической науки на Урале стало первое большое монографическое исследование труда и быта рабочих Верх-Исетского завода, осуществленное зав. кафедрой социальной гигиены Свердловского мединститута В.И. Величкиным в 1934-1935 гг. По итогам исследования в 1936 г. была выпущена книга «Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Опыт социально-гигиенической характеристики [22].

Действительное содержание книги шире его заголовка. Величкин на материале одного предприятия провел интересное сравнение условий труда и быта, образования и культуры, медицинского обеспечения и состояния здоровья уральских рабочих до революции и в середине 1930-х годов. Автором детально изучены заводская статистика, литературные источники и воспоминания рабочих, а также предпринят анкетный опрос всех рабочих завода рождения 1900 г. и старше, которые еще хорошо помнили условия труда на дореволюционных предприятиях. Таких рабочих оказалось 538 человек. Из них отобрали 201 человека, которые до революции трудились на металлургических заводах Урала. Все они выступили респондентами исследования. Кроме того, было проанкетировано 274 рабочих, имевших 5-й и выше производственные разряды. Таким образом в выборке оказались 475 рабочих завода. Выборка составила 12% генеральной совокупности всех рабочих завода и является вполне репрезентативной.

Анкетному обследованию подверглись и семьи всех этих рабочих. В ноябре-декабре 1935 г. исследование было повторено, из числа попавших в выборку было опрошено 309 семей («панельное исследование»). Вот некоторые данные этого интереснейшего исследования: в 1913 г. школьное образование получало 52% детей рабочих завода, в 1934 г. – 90%; в средней школе до революции не учился ни один из детей рабочих ВИЗа, в лучшем случае завершавших свое образование начальной школой, то в 1934 г. в средней школе училось уже 70% детей соответствующего возраста; что касается самих кадровых рабочих ВИЗа, то 41% из них в школе не

учились совсем, 8% - проучились год, 16% - 2 года, остальные – более 2х лет; общественной работой занимались в 1934 г. 30% опрошенных рабочих, выписывали газеты – 87%, журналы – 13%, имели радио – 21%, имели домашние библиотеки – 30% рабочих. В конце 1970-х годов сектор демографии и уровня жизни Института экономики УО АН СССР провел панельное исследование на том же заводе. Его итоги позволяют выявить огромные изменения, которые произошли в условиях труда и быта рабочих за десятилетия, минувшие со времени исследования В.И. Величкина.

В предвоенные годы, в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы какие-либо заметные социологические исследования в регионе не проводились. Культ личности Сталина принес непоправимый урон советской социологической науке. Многие исследователи, начинавшие это дело, были репрессированы, другие (как например, Величкин) прекратили исследования, оборвав даже начатые работы. Главная же причина заключалась в том, что пришедшая к безраздельной власти командно-бюрократическая система сознательно не хотела иметь информацию об истинном положении дел на местах и поэтому боялась социологических исследований. Их данные могли бы поколебать расхожие пропагандистские догмы, насаждаемые «сверху», разоблачили бы массовое очковтирательство и затушевывание имеющихся недостатков.

Список литературы:

1. Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск. 1990. 68 с.
2. Большой Урал – XXIII век: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2: Из истории социологии на Урале: наука - люди науки - научные коллективы. Екатеринбург УГТУ-УПИ. 2001. 220 с.
3. В данной статье не приводится большинство ссылок на первоисточники используемых материалов, которые даны в брошюре [1].
4. Миславский Н. Бюджет подростка Верх-Исетского завода в Екатеринбурге // Юный пролетарий Урала. 1924. №2-3.
5. Генеральный план хозяйства Уральской области. Свердловск. 1927.
6. Локацков Ф.И. Хозяйственно-политическое состояние и состав Советов Уральской области. Свердловск. 1927.
7. Коновалов Н.А. Умственная одаренность и ее измерение // Ученые записки Пермского госуниверситета. Отдел. Общ. наук. Вып. II. Пермь. 1931.
8. В бой за кадры подлинных строителей социализма // Уральский коммунист. 1930. № 5.

9. Денисов Л.А., Немченко Р.М. Бюджет времени школьника и пионера в школе // Культфронт Урала. 1932. № 3-4. С. 50.
10. Денисов Л.А. К изучению опыта работы школьных мастерских и детских рабочих комнат в политехнической школе // Культфронт Урала. 1933. № 6. С. 14.
11. Кушелевская А., Славская Н. Профориентация в школе // Культфронт Урала. 1934. № 1. С. 22; Кушелевская А.Н., Верхотурова З.Н. Профориентационная работа в средней школе // Культфронт Урала. 1935. № 7.
12. Волков А. Выполнение домашних заданий учащимися // Культфронт Урала. 1935. № 7.
13. См. работы Н. Лебедева (Культфронт Урала. 1934. №3-4), О. Топчило (Культфронт Урала. 1934. № 1).
14. Коган Л. И., Павлов Б. С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск, 1976. 176 с.
15. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. 95 с.
16. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. 225 с.
17. Павлов Б.С. Рабочее общежитие. – М.: Знание, 1987. (*Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Молодежная»*, № 11).
18. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс М. Сов. Россия. 1989. 240 с.
19. Павлов Б.С. Детские дома в России: опыт ретроспективно-прогностического анализа (На материалах социологических исследований). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 524 с.
20. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (*на примере Урала*). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. 575 с.
21. Струмилин С.Г. Избранные произведения в 5 томах. Т. 3. М. 1964. С. 165-167. Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Опыт социально-гигиенической характеристики. Свердловск. 1936.
22. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Опыт социально-гигиенической характеристики. Свердловск. 1936.